

О.И. Тогоева

ИСТОРИЯ ПРАВА И ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

УДК 94(4)“375/1492”

Статья посвящена проблеме соотносимости истории повседневности и истории права, общего и различного в их проблематике, возможности использования правовых текстов для воссоздания деталей быта и частной жизни людей прошлого. Автор приходит к выводу о необходимости учитывать при анализе данного комплекса проблем особенности источниковой базы и методы работы с ней, соотношение общего контекста и частных случаев и, как следствие, важность микроисторического анализа в подобных работах.

Ключевые слова: история права, история повседневности, частная жизнь, методы источниковедения, казус, контекст, микроистория.

Key words: history of law, history of everyday life, private life, textual criticism, casus, historical context, microhistory.

В 2000 г. в издательстве РГГУ вышла коллективная монография “Человек в мире чувств”¹. Она стала второй частью большого научного проекта Ю.Л. Бессмертного, направленного на изучение истории частной жизни и повседневности², и именно в этой книге была опубликована моя по-настоящему первая статья, посвященная особенностям средневекового правосознания³.

Я до сих пор считаю данный текст весьма удачным. Практически без изменений в качестве одной из глав он вошел в мою монографию, изданную несколькими годами позже⁴. И в какой-то степени успех этой статьи, как мне представляется, оказался связан как раз с тем, что в ней удалось совместить два направления исследований – историю права и историю повседневности. Это действительно был рассказ о “человеке в мире чувств”: о его восприятии тюрьмы и суда, пытки и самого института признания, своего тела и души, о его понимании того, что такое страдание, виновность, дружба и даже любовь.

Все эти вопросы были рассмотрены в статье сквозь призму права, с использованием такого интересного, но достаточно редкого в исследовательской практике медиевистов источника, как судебные протоколы, сохранившие для нас признания средневековых преступников, их полемику с судьями, а также собственно правовые нормы, существовавшие во Франции на протяжении XIII–XV вв.

Сомнения в возможности использования подобных текстов при изучении истории повседневности (а речь шла именно о повседневности, пусть даже и не самой рядовой) пришли значительно позднее выхода нашего сборника из печати. И связаны они были прежде всего с *источниковедческой* стороной проблемы, с осознанием некоторой, если угодно, неполноценности такого типа документов, как судебные приговоры.

Проблема, собственно, заключается в том, что информацию, которую предоставляют нам данные источники, нельзя назвать просто фрагментарной⁵. Хуже то, что она *a priori* является *отредактированной*, прошедшей через руки писцов, присутствовавших на заседаниях; самих судей, контролировавших не только следствие по уголовным (или гражданским) искам, но и письменную фиксацию принятых по ним решений; наконец, судебных секретарей, отвечавших за составление регистров уже рассмотренных дел. Именно эти тексты и становятся в результате нашими основными источниками по истории средневекового правосознания, и мы обязаны учитывать в своей работе их сугубо *авторский* характер. Иными словами, средневековые судебные протоколы ни в коем случае нельзя назвать беспристрастной констатацией фактов: это отнюдь не стенограмма заседаний, состоявшихся в далеком XIV или XV в. Скорее, мы имеем дело с *интерпретацией* этих фактов и не можем рассчитывать на полную объективность полученной информации – как не можем на ее основании делать и какие-то обобщающие выводы⁶.

Вот почему удачу своей первой статьи я связываю с особенностями конкретного источника, на котором был основан мой анализ, – “Уголовного регистра Шатле”, чей авторский характер (характер *выборки* прежде всего) я понимала уже на тот момент⁷. И, как я считаю и теперь, только при осознании данного факта (*необъективности* информации, предоставляемой нам средневековыми судебными документами) и возможно изучение истории повседневности применительно к истории права.

Таким образом, проблема источников – первое, на что я хотела бы обратить особое внимание. С материалами судебной практики, как, впрочем, и с любым правовым текстом, следует обращаться предельно аккуратно. Необходимо прежде всего понимать, *зачем* создавался тот или иной документ, какие цели преследовал его автор, каково было его *личное* отношение к описываемым событиям. Решению именно этой проблемы оказалась в большой степени посвящена моя монография «“Истинная правда”: Языки средневекового правосудия», главным итогом которой стал вывод

о том, что применительно к судебным протоколам (в том числе, к признаниям обвиняемых) мы чаще всего имеем дело с *сознательным* искажением действительности со стороны судей и их секретарей – в угоду самым разным, личным или же групповым, интересам: процессуальным, правовым, политическим, религиозным. И изучаем мы не факты, а их авторскую интерпретацию.

Означает ли это, что отныне я полагаю совершенно невозможным изучение истории повседневности на правовом материале? На этот вопрос ответить крайне сложно.

В определенном смысле, с учетом описанных выше особенностей источниковой базы, это, безусловно, возможно. Если говорить о сугубо авторских правовых текстах – авторских в буквальном смысле этого слова – то применительно к истории повседневности первыми, конечно, следует назвать *выборки* судебных дел, созданные непосредственно в то время, когда эти дела рассматривались. “Уголовный регистр Шатле” Алома Кашмаре, с этой точки зрения, представляет собой идеальный вариант, поскольку в данном случае мы получаем индивидуальный взгляд как на повседневность средневекового суда, так и на повседневную жизнь преступного мира. Сюда же я бы отнесла и более ранние выборки – например, регистры французских аббатств, обладавших правом высшей юрисдикции, созданные в конце XIII – первой половине XIV в.⁸, или регистр уголовных дел Парижского Парламента первой половины XIV в., составленный секретарями суда Этьеном де Гиеном и Жеффруа де Маликорном⁹.

К этой группе источников логично примыкают и “Дневники” секретарей по гражданским делам Парижского Парламента Николя де Бая и Клемана де Фокамберга первой половины XV в.¹⁰ Несомненно, в данном случае следует учитывать, что в опубликованном виде эти тексты являются произведением (выборкой) не самих авторов, но их издателя, Александра Тюэте¹¹. Однако, как справедливо отмечает С.К. Цатурова, именно этим двум секретарям Парламента был свойственен в высшей степени индивидуальный подход к ведению регистров, которые по стилю действительно напоминали личные дневники или мемуары¹². Иными словами, из каждодневных записей Н. де Бая и К. де Фокамберга мы можем почерпнуть информацию не только по судебным решениям, но и по повседневной жизни такого важного средневекового судебного учреждения как Парижский Парламент.

Однако при чтении этих выборок судебных дел – и это второй момент, на который я бы хотела обратить внимание, – сразу же

возникает еще один вопрос. Какую именно историю мы изучаем на основании подобных текстов?

Рассмотрим, к примеру, одно из дел, записанных Аломом Кашмаре в “Уголовном регистре Шатле”¹³. Речь в нем идет о некоем Рено де Сен-Марке, арестованном по подозрению в краже лошади. Из достаточно подробных показаний обвиняемого мы узнаем, что изначально тот работал в винограднике, затем завербовался в наемники, а после вел “бродячую жизнь в Париже” (*il a esté sans maistre et vacabond parmi la ville de Paris*). Иск против него подал королевскому прево его бывший хозяин, и на пытке Рено признался в многочисленных кражах, за что был приговорен к повешению “как закоренелый вор и предатель своего господина” (*comme très-fort larron et traître de son maistre*)¹⁴.

С одной стороны, в данном случае мы, безусловно, имеем дело с историей повседневности: с весьма насыщенной событиями жизнью рядового средневекового обывателя, успевшего побывать и наемным рабочим, и солдатом, но под давлением обстоятельств превратившегося в преступника. С другой стороны, тот же спектр вопросов (происхождение этого человека, его выбор занятий, условия его жизни, его отношения с окружающими) мы можем рассматривать как составную часть (вернее, как объект исследования) социальной истории. И, наконец, мы можем найти данному казусу сугубо правовое применение, используя его, к примеру, в исследовании, посвященном пониманию предательства в средневековой Франции¹⁵.

Возьмем другой пример – описание исключительно холодной зимы 1408 г., данное в “Дневнике” Николя де Бая. Морозы стояли в тот год столь сильные, что на отопление Парижского Парламента не хватало дров, а чернилами невозможно было писать. Затем лопнувший на Сене лед сломал мосты, и работа суда оказалась полностью парализована: утром 31 января на службу не явились практически все чиновники, за исключением первого президента, нескольких советников и самого секретаря по гражданским делам¹⁶.

Подробный и весьма живописный рассказ Николя де Бая касается, на первый взгляд, прежде всего повседневной жизни французской столицы. Однако в то же самое время, как пишет С.К. Цатурова, данная информация используется автором, чтобы подчеркнуть, что даже в таких трудных условиях органы власти продолжали функционировать, исполняя свое предназначение¹⁷. Следовательно, нам стоит задуматься над тем, что сами чиновники воспринимали Парижский Парламент как сложившийся, зрелый организм уже в начале XV в., и, таким образом, вести речь об

институциональной истории Средневековья, а вовсе не об истории повседневности.

То же самое относится и к многочисленным описаниям прогулов заседаний, которые позволяли себе чиновники уголовных и гражданских судов в Париже XIV–XV вв., будь то королевская тюрьма Шатле или Парламент¹⁸. Именно судебные протоколы, сколь формализованы они ни были, доносят до нас подобную, весьма ценную информацию о повседневной жизни этих людей, об их отношении к собственной деятельности. Тем не менее, и она может быть интерпретирована в рамках институциональной истории или, к примеру, использована в просопографических исследованиях. А интересные данные о формировании и существовании банд профессиональных воров – об их образе жизни, тайном языке и жестах, особом стиле в одежде, об их любовных и дружеских связях, местах обитания и маршрутах перемещения по стране¹⁹ – мы в равной степени можем применить в работах и по социальной истории, и по истории повседневности, и даже по истории французского языка...

Иными словами, что же такое собственно история *повседневности* Средневековья? Особая область исторического знания или, быть может, лишь некий общий информационный контекст, из которого медиевисты черпают сведения по интересующим их более узкоспециальным проблемам? На сегодняшний день лично мне сложно дать внятный ответ на данный вопрос. И сложность эта связана с еще одним обстоятельством, на котором я хотела бы остановиться.

Следует хорошо понимать, на решение каких *исследовательских задач*, на раскрытие каких научных проблем должна быть направлена информация по истории повседневности, которую мы добываем из различных, в том числе правовых, источников, а для этого – прежде всего задуматься, не является ли такая информация сугубо *описательной*, т.е. предполагающей совершенно позитивистскую (пусть и в самом лучшем значении этого слова) манеру изучения прошлого и его презентации. Это может относиться и к рассказу Николя де Бая о том, что зимой 1408 г. в Парижском парламенте кончились дрова, и к рассказу Алома Кашмаре о том, что при продаже краденых вещей профессиональные парижские воры особым образом терли кончик носа²⁰.

Вне всякого сомнения, и в том, и в другом случае мы имеем дело с информацией – причем весьма любопытной – по истории повседневности средневековой Франции. Какую проблему, однако, мы можем поставить и рассмотреть на этом материале? Не сведется ли наш анализ к простому пересказу ставших извест-

ными нам фактов? Ведь *описание* какой-то истории, тем более, *единичного* казуса еще не может быть названо полноценным исследованием по истории повседневности.

Данное наблюдение касается в том числе и судебных казусов из истории западноевропейского Средневековья. Как мне представляется, наиболее перспективными, с точки зрения истории повседневности, оказываются здесь, безусловно, *частные* (семейные, дружеские, профессиональные) конфликты. Именно они – а не существенно превышающие их по количеству (что характерно для французских судебных архивов XIV–XV вв., т.е. периода Столетней войны) дела о конфликтах военных и политических²¹ – дают нам материал по истории повседневности, а также по истории частной жизни. Супружеская любовь и супружеская неверность, неразделенные чувства, месть, обида, способы разрешить конфликты “частным” образом, не прибегая к помощи судебных инстанций, – вот о чем мы читаем в судебных регистрах. *Как* все эти вопросы понимались средневековыми обывателями, *чем* для них была любовь, дружба, ненависть – вот что мы, как мне кажется, действительно можем изучать на материале правовых текстов, протоколов судебной практики²².

Вне всякого сомнения (и это отдельный и не менее важный момент), для того, чтобы просто *увидеть* эти маленькие зарисовки из повседневной жизни людей Средневековья, необходимо прежде всего добраться до самих судебных архивов. Лишь длительная и последовательная работа в них может в результате привести к тому, что разрозненные казусы, записи без конца или без начала, сложатся в некую связную, более или менее репрезентативную картинку²³...

Встречаются, конечно, и совсем безнадежные ситуации, когда тот или иной судебный казус является *абсолютно* уникальным, и никакой – правовой, политический или религиозный – контекст для него создать оказывается невозможно. Одним из наиболее ярких примеров такого исследовательского “тупика” можно считать единственное известное на сегодняшний день средневековому уголовному делу о преследовании проститутки-трансвестита Джона Райкнера в Лондоне конца XIV в.²⁴ Ни судебные чиновники, арестовавшие этого человека и допросившие его об обстоятельствах его непростой жизни, ни современные историки не были в состоянии представить исчерпывающее объяснение подобного феномена. Для издателей и весьма небольшого числа западноевропейских исследователей этого судебного документа наиболее очевидной показалась его интерпретация в рамках гендерной истории²⁵.

В то же время, с моей точки зрения, его позволительно рассматривать и в рамках истории повседневности (изучения проблем городской проституции), и в рамках истории права (исследования по регламентации наказаний за сексуальные преступления), и даже в рамках экономической истории, учитывая, что продажей собственного тела Джон Райкнер зарабатывал себе на жизнь²⁶.

Проблема, однако, заключается в том, что данный казус в любом случае остается пока единичным, и нам не с чем его сравнить, чтобы ответить хотя бы на один вопрос: насколько *уникальной* для Средневековья была описанная в нем ситуация.

Но даже если подходящий контекст и удастся сформировать путем планомерного изучения многочисленных судебных регистров и история одного конкретного иска предстает на фоне ряда однотипных дел, подобное исследование все равно рискует остаться фрагментарным, поскольку мы никогда не узнаем *обо всех без исключения* случаях разрешения такого рода конфликтов²⁷. Безусловно, на нынешнем этапе развития исторической науки фрагментарность наших знаний о прошлом уже не является какой-то особой проблемой, скорее, она превратилась в данность. Однако вопрос, может ли рассказанная таким образом история стать полноценным исследованием по истории повседневности, остается открытым.

Впрочем, насколько можно судить, в среде наших западных и, в частности, французских коллег этот вопрос не ставится в принципе. С момента публикации исследования Бронислава Геремека о парижских маргиналах ситуация практически не изменилась²⁸. Книги, которые вышли в самые последние годы, продолжают именно эту, отчасти позитивистскую, линию описания жизни городских низов на основании судебных материалов. Это – истории о бедняках и маргиналах в Средние века²⁹, о шутах и распутниках³⁰, о сводниках и проститутках³¹. Исключением могла бы стать работа Изабель Матье, посвященная, как было заявлено в аннотации, “повседневной жизни”, вернее, “повседневной активности” (*activité quotidienne*) суда в Анжу и Мене³². Однако и она на проверку оказалась исследованием по институциональной истории и по истории формирования обычного права в Средние века, т.е. сочинением, весьма далеким от образцовых, с этой точки зрения, “Монтаю” или “Ведьмы из Жасмена” Эммануэля Ле Руа Лядюри³³.

Не менее показателен и другой пример. С конца ноября 2012 г. по начало марта 2013 г. в Париже, в музее Клюни, прошла выставка, посвященная азартным играм в обществах Древнего мира и Средневековья. На ней были представлены редчайшие экспонаты: колоды карт (игральных и гадательных), наборы шашек,

шахмат, костей и многое другое – включая подробные описания известных нам или уже забытых старинных игр, позаимствованные из текстов той или иной эпохи, а также миниатюры, вышивки и гравюры, на которых остался запечатленным сам процесс игры³⁴. Эта экспозиция стала прекрасной иллюстрацией на тему истории повседневности, однако ни в одном из сопровождавших ее пояснений не было сказано ни слова о том, что в средневековой Франции, к примеру, увлечение азартными играми рассматривалось как уголовное преступление и наказывалось изгнанием из города, а в случае рецидива – смертной казнью³⁵. Кроме того, “территория игры” (т.е. любые таверны и кабаки, а также поля и луга за городом или вокруг деревни) очень часто оказывалась местом, которое само по себе провоцировало другие, более тяжкие преступления – оскорбления, членовредительство или даже убийства³⁶. Устроители выставки обошли эти вопросы полнейшим молчанием и, изучив и процитировав огромное количество текстов различных эпох, посвященных азартным играм, не обратили ни малейшего внимания на королевские ордонансы или на иные правовые документы, которые также могли многое рассказать об этой стороне повседневной жизни средневекового общества²³...

* * *

Подводя итог сказанному, я должна чистосердечно признаться в том, что на сегодняшний день вопросов у меня остается больше, чем ответов. Можно ли, к примеру, утверждать, что история повседневности ограничивается исключительно историей частной жизни? Очевидно, нет, ведь история повседневности по определению должна быть значительно шире и охватывать самые разные сферы человеческой деятельности. Но как далеко в таком случае простираются ее границы? Какие проблемы она должна решать? Не превратятся ли подобные исследования в обычный пересказ прочитанного и как можно этого избежать?

Все это – открытые для меня вопросы. Но на них очень хотелось бы когда-нибудь получить ответы...

¹ Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 2000.

² Первой частью проекта стало издание: Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. Третья часть, посвященная проблеме индивидуального

- понимания счастья людьми Средневековья и Нового времени, была опубликована уже после смерти Ю.Л. Бессмертного: Казус: Индивидуальное и уникальное в истории / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М., 2002. Вып. 4. С. 13–134.
- ³ Тогоева О.И. В ожидании смерти: молчание и речь преступников в зале суда (Франция, XIV век) // Человек в мире чувств. С. 262–302.
- ⁴ Тогоева О.И. “Истинная правда”: Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 17–53.
- ⁵ В частности, при анализе права и судопроизводства Северной Франции XIII–XV вв. следует изначально учитывать, что далеко не все архивы сохранились до нашего времени. Если, к примеру, уголовные регистры Парижского парламента за этот период действительно дошли до нас в более или менее полном объеме, то из всех архивов королевского прево Парижа мы располагаем лишь *три* сборниками документов. Первый из них – “Уголовный регистр Шатле” за 1389–1392 гг., составленный секретарем суда Аломом Кашмар: Archives Nationales de France. Y 10531; Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392 / Ed. par H. Duplès-Agier. 2 vol. P., 1861–1864. Второй – список заключенных, помещенных в Шатле с 14 июня 1488 по 31 января 1489 г., в котором имена этих людей (2146 мужчин и 367 женщин) сопровождаются очень краткими описаниями обвинений, выдвинутых против них: Archives Nationales de France. Y 5266^A. Наконец, в 1982 г. были найдены фрагменты еще одного списка заключенных Шатле – за 24 апреля – 24 мая 1412 г. Шесть листов, содержащих этот перечень, в XV в. использовали для переплета печатной книги, и таким образом они сохранились до наших дней. Обнаруживший их переплетчик Дж.Р. МакКлуркин преподнес свою находку в дар библиотеке Калифорнийского университета, и в 1999 г. они были, наконец, изданы: *Gauvard C., Rouse M. et R., Soman A. Le Châtelet de Paris au début du XVe siècle d’après les fragments d’un registre d’écrout de 1412* // Bibliothèque de l’Ecole des Chartes. 1999. Т. 157. P. 565–606. За исключением указанных документов от средневековых архивов Шатле не сохранилось более ничего, что крайне затрудняет изучение истории данного учреждения. Несколько более полной информацией об этой королевской тюрьме мы располагаем, лишь начиная с середины XVII в., поскольку в архиве префектуры полиции Парижа хранятся списки заключенных Шатле за 1651 и 1669–1790 гг.: Archives de la Préfecture de police de Paris. A^B 135, A^B 136 и далее.
- ⁶ К сходному выводу пришла в свое время на материале писем о помиловании Нагали Земон Двис. Не случайно ее монография называлась “Байки из архивов”: *Davis N.Z. Fiction in the Archives. Pardon Tales and their Tellers in the Sixteenth-century France*. Stanford, 1987. Той же проблеме была посвящена статья французского историка Пьера Брауна: *Braun P. Le valeur documentaire des lettres de rémission* // La faute, la répression et le pardon. Actes du 107e congrès national des sociétés savantes, Brest, 1982. Section de philologie et d’histoire jusqu’à 1610. P., 1984. Т. 1. P. 207–221.
- ⁷ Тогоева О.И. В ожидании смерти. С. 262–266. См. также: *Она же*. “Уголовный регистр Шатле”: традиции и возможности изучения // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М., 2000. Вып. 3. С. 189–198. *Она же*. “Истинная правда”. С. 6–13.
- ⁸ *Tanon L. Histoire des justices des anciennes églises et communautés monastiques de Paris, suivie des registres inédits de Saint-Maur-des-Fossés, Sainte-Geneviève, Saint-Germain-des-Près, et du registre de Saint-Martin-des-Champs*. P., 1883.

- ⁹ Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris (1319–1350) / Ed. par M. Langlois et Y. Lanhers. P., 1971.
- ¹⁰ Journal de Nicolas de Baye, greffier de Parlement de Paris, 1400–1417 / Ed. par A. Tuetey: 2 vol. P., 1885, 1888; Journal de Clément de Fauquembergue, greffier de Parlement de Paris. 1417–1435 / Ed. par A. Tuetey: 3 vol. P., 1903–1915.
- ¹¹ *Цатурова С.К.* Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV в. М., 2002. С. 18–22.
- ¹² Там же. С. 21–22.
- ¹³ Registre criminel du Châtelet de Paris. Т. 2. P. 165–171 (6 июня 1391 г.).
- ¹⁴ Похожие примеры воровства-предательства см.: Ibid. Т. 1. P. 398, 406; Т. 2. P. 70, 374, 455.
- ¹⁵ О возможности трактовки самых различных преступлений (в том числе и воровства у собственного хозяина) как предательства см.: *Тогоева О.И.* Рыжий левша: Тема предательства Иуды в средневековом правовом дискурсе // Одиссей: Человек в истории – 2012. М., 2012. С. 98–112.
- ¹⁶ Journal de Nicolas de Baye. Т. 1. P. 211–219.
- ¹⁷ *Цатурова С.К.* Указ. соч. С. 33–35.
- ¹⁸ Там же. С. 38–41; *Тогоева О.И.* “Истинная правда”. С. 94–97.
- ¹⁹ Подробнее о бандах профессиональных воров см.: *Тогоева О.И.* “Ремесло воровства”: (несколько штрихов к портрету средневекового преступника) // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999. Т. 2. С. 319–325; *Она же.* “Истинная правда”. С. 22–24, 28–29.
- ²⁰ Данная информация содержится в уголовном деле двух скупщиков краденого: Registre criminel du Châtelet de Paris. Т. 1. P. 158–163.
- ²¹ Не случайно одно из “классических” исследований по истории Столетней войны (и одно из наиболее интересных, поскольку в нем была проанализирована реакция на события рядовых членов общества) было написано на материале регистров Парижского парламента: *Timbal P.-C.* La guerre de Cent ans vue à travers les registres du Parlement (1337–1369). P., 1961.
- ²² Примером такого исследования для меня стала история двух заключенных парижской королевской тюрьмы Шатле, Флорана де Сен-Лю и Марион ла Друа-тюрьер, рассказавших в суде свои истории любви, не похожие не только друг на друга, но и на рядовые представления людей Средневековья об отношениях между мужчиной и женщиной: *Тогоева О.И.* “Истинная правда”. С. 54–65.
- ²³ Одним из немногих подобных примеров в моей собственной исследовательской практике стала история Жанны де Брем и Бридуля де Мезьера, перипетии супружеской жизни которых удалось узнать из многочисленных судебных документов, сохранившихся в архиве Парижского парламента за 1342–1346 гг. Предметом основного спора стал факт измены, якобы совершенной Жанной, которая, однако, настаивала на том, что между ней и ее мужем не было заключено брачное соглашение. Дело потребовало привлечения в качестве свидетелей многочисленных родственников, которые и сами по себе регулярно оказывались замешанными в различных судебных разбирательствах. Таким образом, их вздорное поведение, становившееся причиной появления все новых уголовных и гражданских исков, способствовало нахождению информации о жизни всего семейства на протяжении нескольких десятков лет: *Тогоева О.И.* Донна Жанна и два ее мужа, или О правовых последствиях адюльтера // Право в средневековом мире – 2007. М., 2007. С. 122–135.

- ²⁴ The Interrogation of a Male Transvestite Prostitute in Fourteenth-century London / Ed. by D.L. Boyd and R.M. Karras // *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*. 1995. Vol. 1. P. 459–465.
- ²⁵ См., к примеру: *Karras R.M., Boyd D.L.* “Ut cum muliere”. A Male Transvestite Prostitute in Fourteenth-century London // *Premodern Sexualities* / Ed. by L. Fradenburg and C. Freccero. N.Y.; L., 1996. P. 101–116; *Dinshaw C.* *Getting Medieval. Sexualities and Communities, Pre- and Postmodern*. Durham, 1999. P. 107–108; *Normington K.* *Gender and Medieval Drama*. Cambridge, 2004. P. 57–59; *Beattie C.* *Gender and Femininity in Medieval England* // *Writing Medieval History* / Ed. by N. L. Partner. L., 2005. P. 153–170.
- ²⁶ Подробнее см.: *Тогоева О.И.* “Продажная” любовь в средневековом обществе: история Джона Райкнера (1394 г.) // *Многоликая повседневность. Микроисторические подходы к изучению прошлого* / под ред. О.И. Тогоевой. М., 2014. С. 166–193. См. электронную публикацию: <http://www.igh.ru/books/mnogolikaya-povsednevnost/11.pdf>
- ²⁷ Примером может служить моя статья, посвященная пониманию сексуально-го насилия и его допустимости в обществе Средневековья при судебном и парасудебном разрешении конфликтов. Фрагментарность данного исследования была изначально обусловлена тем обстоятельством, что информация подобного рода в официальных судебных документах (как, впрочем, и в иных источниках) практически отсутствует: *Тогоева О.И.* Униженные и оскорбленные: Мужская честь и мужское достоинство в средневековом суде // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории* / под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. М., 2007. Вып. 8. С. 71–101.
- ²⁸ *Geremek Br.* *Les marginaux parisiens aux XIVe et XVe siècles*. P., 1976. Последнее переиздание датируется 2009 г.
- ²⁹ *Leguay J.-P.* *Pauvres et marginaux au moyen age*. P., 2009.
- ³⁰ *Leguay J.-P.* *Farceurs, polissons et paillards au moyen age*. P., 2010.
- ³¹ *Hervez J.* *Ruffians et ribaudes au moyen âge du libertinage aux amours vénales*. P., 2011.
- ³² *Mathieu I.* *Justices seigneuriales en Anjou et dans le Maine*. Rennes, 2012.
- ³³ *Le Roy Ladurie E.* *Montaillou, village occitan: de 1294 à 1324*. P., 1975; *Idem.* *La sorcière de Jasmin*. P., 1983.
- ³⁴ См. каталог выставки: *Art du jeu, jeu dans l’art de Babylone à l’Occident médiéval* / Sous la dir. de I. Bardiès-Fronty et A.-E. Dunn-Vaturi. P., 2012.
- ³⁵ Подобное дело описывал в своем “Уголовном регистре Шатле” Алом Кашма-ре. 26 мая 1390 г. за игру в различные азартные игры и обман других участников был осужден и приговорен к пожизненному изгнанию из королевства некий Тевенин де Брен. В решении парижского прево также говорилось, что в случае повторного ареста обвиняемый будет повешен (*sur peine de la hart*): *Registre criminel du Châtelet de Paris*. T. 2. P. 137–147.
- ³⁶ Многочисленные примеры того, как азартные игры приводили к (часто вооруженным) стычкам участников и их близких, см. в: *Gauvard C.* “De grace especial”. *Crime, Etat et société en France à la fin du Moyen Age*. P., 1991. P. 286, 293–294, 388, 449–453, 501–502, 719, 724, 777, 803, 811.
- ³⁷ См., к примеру, поручение, данное в 1447 г. Карлом VII прево Парижа Роберу д’Этувилью, преследовать в уголовном порядке любых “воров, попрошаек, бродяг, насильников, грабителей церквей, игроков в фальшивые кости, фальшивомонетчиков и прочих злоумышленников” (цит. по: *Ibid.* P. 233).

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Я. ГУРЕВИЧА

М.Л. Андреев

ГУРЕВИЧ VERSUS БАТКИН: СПОР ДВУХ ЭПИСТЕМОЛОГИЙ?..... 5-11

Л.М. Баткин

ЗАМЕТКА О ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К КУЛЬТУРНЫМ
ТЕКСТАМ 12-17

М.Ю. Парамонова

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: МИССИЯ КАК ДОЛГ И КАК
ЛИЧНЫЙ ВЫБОР 18-65

IMITATIO CHRISTI В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ю.Е. Арнаутова, А.Б. Герштейн

ВВЕДЕНИЕ 66-74

Д.Б. Кейнс

IMITATIO CHRISTI И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВАНГЕЛИЙ 75-98

Ю.Е. Арнаутова

IMITATIO CHRISTI: ТЕОЛОГЕМА И ЛИТЕРАТУРНАЯ МОДЕЛЬ В
БЕНЕДИКТИНСКОЙ АГИОГРАФИИ 99-139

М.Р. Ненарокова

МОЛИТВА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ *IMITATIO CHRISTI* ДЛЯ ЧАСТ-
НОГО ЛИЦА (ПРИМЕР МЕХТИЛЬДЫ ХАКЕБОРНСКОЙ) 140-161

Мехтильда Хакеборнская

КНИГА ОСОБОЙ БЛАГОДАТИ (*пер. с лат. М.Р. Ненароковой*) 162-181

М.Г. Логутова

“ПОДРАЖАНИЕ ХРИСТУ” ФОМЫ КЕМПИЙСКОГО 182-224

А.Е. Махов

ДЬЯВОЛ – ИМИТАТОР ИЛИ АЕМУЛЯТОР БОГА? 225-238

О.И. Тогоева

ПРОРОК, МУЧЕНИЦА ИЛИ ТРИУМФАТОР? *IMITATIO CHRISTI*
В ИСТОРИИ ЖАННЫ Д’АРК (XV–XVII ВВ.) 239-257

Х. Крайсель

IMITATIO DEI В “ПУТЕВОДИТЕЛЕ РАСТЕРЯННЫХ” МАЙМОНИДА 258-309

**МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
“ВОЗМОЖНО ЛИ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ?”**

<i>О.Е. Кошелева</i>	
ВВЕДЕНИЕ	310-314
<i>Ю.Е. Арнаутова</i>	
ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕГОДНЯ: ВЫЗОВЫ И ШАНСЫ.....	315-336
<i>П.Ш. Габдрахманов</i>	
ОБЫЧАИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФЛАНДРИИ (ПО РОДОСЛОВНЫМ СПИСКАМ АЛТАРНЫХ ТРИБУТАРИЕВ).....	337-345
<i>Ю.П. Крылова</i>	
“УЮТ ПОВСЕДНЕВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ”, ИЛИ ОБ ОТНОШЕ- НИИ К РЕЛИГИОЗНЫМ ПРАКТИКАМ ВО ФРАНЦИИ XIV в.	346-354
<i>О.И. Тогоева</i>	
ИСТОРИЯ ПРАВА И ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ТОЧКИ ПЕРЕ- СЕЧЕНИЯ.....	355-365
<i>С.К. Цатурова</i>	
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЛАСТИ: ГРУППОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ЛИЧНЫЕ АМБИЦИИ СЛУЖИТЕЛЕЙ КОРОНЫ ФРАНЦИИ В XIII–XV вв.	366-372

**ВЕНЕЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

<i>П. Ланаро</i>	
ИНОЗЕМЦЫ В ГОРОДЕ ИНОЗЕМЦЕВ: ВЕНЕЦИЯ, XIV–XVIII вв.	373-386
<i>Н. Жечевич</i>	
<i>SERENISSIMA</i> МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И КОРРУПЦИЕЙ: СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ВНЕЦИАНСКИХ ЧИНОВНИКОВ.....	387-401

ОБРАЗ “ДРУГОГО”

<i>М.Ю. Андрейчева</i>	
МУСУЛЬМАНЕ, КАТОЛИКИ И ИУДЕИ В ЛЕТОПИСНОМ РАССКАЗЕ О ВЫБОРЕ ВЕРЫ КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ: ОБРАЗЫ И СМЫСЛЫ.....	402-440

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

<i>М.Ю. Реутин</i>	
СРЕДНЕВЕКОВАЯ МИСТИКА В ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДАХ.....	
<i>Peter Dinzelsbacher. DEUTSCHE UND NIEDERLÄNDISCHE MYSTIK DES MITTELALTERS: EIN STUDIENBUCH. BERLIN; BOSTON: W. de GRUYTER, 2012. 424S.</i>	441-454

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 70-ЛЕТИЮ ДМИТРИЯ ЭДУАРДОВИЧА ХАРИТОНОВИЧА	455-456
---	---------

IN MEMORIAM

НЕСКОЛЬКО ПЕЧАЛЬНЫХ СООБРАЖЕНИЙ ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ БОРИСА ДУБИНИНА (31.12.1946–20.08.2014).....	457-459
О БОРИСЕ И БОРХЕСЕ	459-462
SUMMARIES.....	463-470
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	471

CONTENTS

COMMEMORATING THE 90th ANNIVERSARY OF ARON YA. GUREVITCH

Mikhail L. Andreev

GUREVITCH VERSUS BATKIN: THE CONTROVERSY OF TWO
EPISTEMOLOGIES?

Leonid M. Batkin

A NOTE ON THE DIALOGIC APPROACH TO CULTURAL TEXTS

Marina Yu. Paramonova

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: MISSION AS A DUTY AND AS
AN INDIVIDUAL CHOICE

IMITATIO CHRISTI IN THE MEDIEVAL AND EARLY MODERN RELIGIOUS CULTURE

Yulia E. Arnautova, Anna B. Gerstein

INTRODUCTION

David B. Capes

IMITATIO CHRISTI AND THE GOSPEL GENRE

Yulia E. Arnautova

IMITATIO CHRISTI: A THEOLOGICAL CONCEPT AND A LITERARY
MODEL IN THE BENEDICTINE HAGIOGRAPHY

Maria R. Nenarokova

PRAYER AS A WAY OF *IMITATIO CHRISTI* FOR AN INDIVIDUAL (THE
CASE OF MECHTILDE OF HACKEBORN)

THE BOOK OF SPECIAL GRACE OF ST. MECHTILDE OF HACKEBORN
(*Transl. from Latin by Maria R. Nenarokova*)

Margarita G. Logutova

THE BOOK *DE IMITATIONE CHRISTI* BY THOMAS A KEMPIS

Alexander E. Makhov

IS THE DEVIL AN *IMITATOR* OR AN *AEMULATOR* OF GOD?

Olga I. Togoëva

PROPHET, MARTYR OR TRIUMPHATRIX? *IMITATIO CHRISTI* IN THE
HISTORY OF JOAN OF ARC (15th–17th CENTURIES)

Howard Kreisel

IMITATIO DEI IN *MAIMONIDES' GUIDE OF THE PERPLEXED*

**MATERIALS OF THE ROUND TABLE
'CAN THE HISTORY OF MEDIEVAL EVERYDAY LIFE
BE STUDIED?'**

Olga E. Kosheleva

INTRODUCTION

Yulia E. Arnautova

THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE TODAY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Pavel Sh. Gabdrakhmanov

PRACTICES OF NAME GIVING IN FLANDERS ACCORDING TO GENEALOGIES OF *TRIBUTARII* (12th–13th CENTURIES).....

Yulia P. Krylova

"THE COMFORT OF EVERYDAY EXISTENCE", OR ON RELIGIOUS PRACTICES IN THE 14th CENTURY FRANCE.....

Olga I. Togoeva

THE HISTORY OF LAW AND THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE: INTERSECTIONS.....

Susanna C. Tsaturova

THE EVERYDAY ROUTINE OF STATE BODIES: FRENCH ROYAL OFFICERS' GROUP STRATEGIES AND INDIVIDUAL CLAIMS IN 13th–15th CENTURIES.....

VENICE: PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

Paola Lanaro

STRANGERS IN THE CITY OF STRANGERS: THE VENICE OF 14th–18th CENTURIES

Nada Zečević

SERENISSIMA BETWEEN POWER AND CORRUPTION: STRATEGIES OF VENETIAN OFFICIALS' BEHAVIOUR.....

IMAGE OF THE 'OTHER'

Marianna Y. Andreycheva

MUSLIMS, CATHOLICS AND JEWS IN THE STORY OF CHOOSING THE FAITH BY PRINCE VLADIMIR IN THE *PRIMARY CHRONICLE*: IMAGES AND MEANINGS

REVIEWS

Mikhail Y. Reutin

THE MEDIEVAL MYSTICISM IN GERMANY AND IN THE NETHERLANDS.....

Peter Dinzelbacher. Deutsche und niederländische Mystik des Mittelalters. Ein Studienbuch. Berlin; Boston: W. de Gruyter, 2012. 424 S.

ANNIVERSARIES

THE 70th ANNIVERSARY OF DMITRIY EDUARDOVICH KHARITONOVICH

IN MEMORIAM

A FEW SAD CONSIDERATIONS OF BORIS DUBIN'S DECEASE (31.12.1946–20.08.2014).....

ABOUT BORIS AND BORES.....

SUMMARIES.....

ABOUT THE AUTHORS.....